

М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕПРОДУКТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ¹

Главное предназначение человека в любой культуре, в том числе и в культуре кочевников Внутренней Азии - продолжение рода. Нормой традиционного общества была жизнь его членов в семье, в окружении детей и внуков. В данной статье предпринята попытка аккумулировать известный материал, отражающий особенности репродуктивной культуры тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, представителей преимущественно кочевой культуры, ее развитие вплоть до начала XX в. Исследовательский интерес был сфокусирован на базовых представлениях и действиях, программирующих будущее семейное благополучие молодых членов кочевого общества. Внимание было также уделено проблеме внебрачных связей девушек и женщин в среде тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, как важной категории репродуктивной культуры. Сравнительно-исторический и сравнительно-типологический анализ мировоззрения, обрядовой сферы и правовой культуры кочевников позволили выявить общий мировоззренческий пласт, формировавший представления о необходимости брака и о греховности одиночества. Люди не вступившие в брак, либо оставшиеся бездетными становились изгоями в обществе. С ними связывался целый ряд негативных представлений и примет, включая воззрения о превращении незамужних бездетных женщин после смерти в злых духов, вредящих женщинам и детям. Исследование проблемы целомудрия в кочевой среде показывает расхождение взглядов и обычаев традиционного общества с этическими нормами, отраженными в правовой культуре Монгольской империи и сменивших ее в последующем политических образований. Наибольшей строгостью отличались законы Монгольской империи. В процессе дальнейшего развития монгольского права отмечается смягчение наказаний за незаконные сексуальные отношения, наряду с растущей лояльностью общества к внебрачным связям и рождению внебрачных детей. Причиной такой ситуации стал, на наш взгляд, гендерный дисбаланс, сложившийся в кочевом обществе к XVII – XIX вв., высокая смертность женщин репродуктивного возраста и детей. В этой связи, сценарий репродуктивного поведения в культуре монгольских народов стал ориентирован на рождение детей без каких-либо ограничений.

Ключевые слова: *Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, репродуктивная культура, традиционное мировоззрение, внебрачные связи.*

Главное предназначение человека в любой культуре, в том числе и в культуре кочевников Внутренней Азии - продолжение рода. Нормой традиционного общества была жизнь его членов в семье. Только семейный человек становился полноправным членом общества. По отношению к вступившим в брак юношам и девушкам буряты и калмыки употребляли общее выражение *хун болоо* - «стал/стала человеком» (Галданова, 1986: 140), прородившую женщину буряты говорили – *хун болоо, сэрээ гараа* («человеком стала, от греха освободилась») (Басаева, 1980: 62). Чем больше детей смогла родить и воспитать женщина, тем выше поднималась она по социальной лестнице в обществе. В хакасской среде женщина, которая родила и воспитала девять сыновей приобретала высокий социальный статус и ей даже разрешалось ездить на посвященной лошади (Бутанаев, 1999: 132).

По представлениям бурят, незамужняя и бездетная женщина, умирая в роде отца, после смерти становилась злым духом, вредящим женщинам и детям (Балдаев, 1959: 20). Эти представления разделяли и хакасы: «Старая дева станет бесом в жилище» (Бутанаев, 1999: 98). Как выход из этого положения в среде разных этнических групп монгольского мира возникает

¹ Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00120 «Традиционные медицинские знания монгольских народов в ретроспективе и в будущем.»

обычай заключения брака девушки с особыми «женихами» – с чайным кувшином (Очир, Галданова, 1988: 51), с опорным столбом (Дондокова, 2008: 87; Галданова, 1986: 140).

Тем не менее, даже замужня, но бездетная женщина не избавлялась от греха, пока не обретала статус матери. Его она могла получить, усыновляя приемных детей. Такую возможность предоставляли многодетные семьи, которые охотно шли навстречу пожеланиям бездетной семьи. Среди монгольских племен с древности существовал обычай передачи детей на воспитание в родственную по материнской стороне группу (Вяткина, 1960: 232). Усыновление же сирот было прямой обязанностью близких родственников. Если вследствие бездетности первой супруги мужчина женился повторно, старшая жена всеми силами старалась привязать к себе детей, рожденных второй женой.

Чтобы реализовать главный смысл своей жизни – обрести семью и детей молодые люди соблюдали некоторые правила, актуальные в повседневной жизни и в праздничные дни. Прежде всего, менялся их внешний вид и поведение, которые должны были быть ориентированы на привлечение внимания противоположного пола. Девушек, достигнувших совершеннолетия, родители старались одевать нарядно, покупали украшения, чтобы они понравились потенциальным женихам. Юноши тоже преображались: например, юноша-калмык полный мужской костюм включавший шапку и пояс начинал носить, когда приближалось время женьитьбы (Цит. по Батмаев, 2008: 160).

В повседневной жизни и в праздники молодые люди старались придерживаться многочисленных правил, обычаев от соблюдения которых зависело благополучие будущей семейной жизни. Принимая участие в свадебных мероприятиях, молодежь активно включалась во все ритуальные действия, несущих в себе идею будущего благополучия в семейной жизни. Традиционно к подобным действиям относились разные виды соревнований, такие как борьба за голову жертвенного барана, ритуальные кости, войлочный ковер и т.д. Победитель в этой схватке, как считалось счастливо женится. В бурятской традиции молодые участники обряда старались получить кусочки жира на обряде поклонения невестки свекру и свекрови. У аларских бурят к этому обряду специально собирали молодых парней. Как только невеста бросала жир в распахнутые полы одежды свекра, они гурьбой кидались к нему и отобрав жир, съедали (Басаева, 1980: 192). Хакасы увлеченно боролись за ритуальную кость *чода*. Также в традиции хакасов особое значение имело свадебное ритуальное блюдо – «поча потхы». Ее давали пробовать каждому из присутствующих на свадьбе, дабы каждый имел свое потомство (Бутанаев, 1992: 149, 119).

Молодые люди были озабочены не только созданием семьи, но и внешностью своих будущих детей, свидетельством чему являются некоторые традиции повседневной жизни. Так, принимая мясную пищу, хакасы старались чисто обглаживать надколенную чашечку, не задевая поверхности ножом. В противном случае у этого человека будут дети некрасивые, с рубцами (Бутанаев, 1992: 106). Ойраты тоже тщательно очищали от кожицы *шаа* или *шагай* (альчик), не то будущий ребенок родится некрасивым (Галданова, 1992: 75). Привлекает внимание то, что обнаруженные в традиционной культуре кочевников обычаи, программирующие будущую счастливую семейную жизнь, имели важное значение, главным образом, для мужчин.

Как относились к целомудрию женской половины кочевники в прошлом судить сложно. В известных генеалогических преданиях некоторых племен, ведущих свое происхождение от таких мифических предков как волк, собака, градинка, цветок, бык, таймень, родители и братья девушек крайне негативно отнеслись к их неожиданной беременности. Девушки скрывали беременность, а после родов оставляли ребенка его отцу, поручали его воспитание животным, птицам, деревьям или оставляли ребенка на произвол судьбы. Описываются случаи, когда девушки, забеременевшие до брака, боясь гнева отца заканчивали свою жизнь самоубийством. Осуждали свою мать сыновья Алан-гоа, которая родила двоих сыновей, оставшись без мужа. Подобные ситуации, при которых женщинам приходилось обосновывать свою беременность вмешательством высших сил, показывают, что в традиционном кочевом обществе добродетельные

и внебрачные связи порицались. В то же время само наличие таких сюжетов в фольклоре тюрко-монгольских народов свидетельствует, что определенная свобода в отношениях между полами имела место быть.

Благоприятствовали этому традиционные общественные праздники, на которых обычно встречалась молодежь. Характер общественных праздников, где происходили не только знакомства и свидания, но и сексуальные контакты, указывает, по мнению Г. Р. Галдановой на то, что отношение к целомудрию девушек в далеком прошлом кочевников, было снисходительным. Сам термин *наадан*, которым обозначали такие гуляния, отражает идею особого времени спаривания/размножения в мире животных. В качестве примера приводятся глухариный, тетеревиный ток *хойр наадан*, нерест рыб (Галданова, 1986: 139). В среде тюрко-монголов были известны сходные между собой игры *ойтулаш*, *акыяш*, *цагаан мод хаях* («белая палка»), *шүүр шэдэхэ* («бросание палочки»). С. И. Ванштейн охарактеризовал подобные игры как пережиток ранних форм брачных отношений (Тангад, 2014: 88). Аналогичная атмосфера царила на праздниках, сопутствующих свадьбе (*басаганий наадан* - «девичник» у бурят), крупным календарным праздникам (*ысыах* у якутов). Общественное мнение якутов, как писал В. Л. Серошевский не хвалит матерей, привозивших на подобные праздники своих дочерей-девушек, поскольку надзор за ними в это время сильно ослабевает (Серошевский, 1993: 559).

У тувинцев в игре *ойтулаш* принимали участие юноши и девушки, холостые мужчины и незамужние женщины. Игра проводилась ночью летом или осенью. Цель игры заключалась в поиске белой палки, которую участники бросали в темноту, но истинный смысл игры состоял в ухаживании молодых людей в темноте за понравившимися девушками. В конце игры каждый юноша старался увести избранную им девушку в степь. У монголов любимым праздником молодежи была старинная обрядовая игра *цагаан мод хаях*, являющаяся частью скотоводческой магии. Хорошая игра, по мнению стариков, означала счастливый год (Тангад, 2014: 86).

В контексте традиционных религиозных воззрений кочевников, почитавших природу, идея плодородия, плодовитости людей, животных и растений была ключевой. Идея воспроизводства жизни была главной темой весенних общественных обрядов, адресованных природе. В их числе и специальные обряды, целью которых было изъятие у природы половой страсти и передача ее людям в якутской традиции (Слепцов, 1989: 75), ритуальное соитие со священной березой в ритуале «Хоча хан тайии» южносибирских тюрков (Бутанаев, 2003: 203). Полагая, что с позиций древней религии степи свободные половые отношения в среде кочевников не могли считаться безнравственными. У якутов «И мужчины и женщины смотрят на мимолетные связи как на милую шутку, ловкую проказу, если только она сошла с рук безнаказанно» (Серошевский, 1993: 557).

Очевидно, что иное мнение по этой проблеме было у Чингисхана, чей жизненный опыт был отягощен похищением его первой супруги и мучившими его в дальнейшем сомнениями относительно его старшего сына. Введенным монгольским лидером строгим порядком, призванным регулировать разные стороны жизни общества, были подчинены и отношения между полами. О целомудрии женщин кочевников в период расцвета Монгольской империи сошлись во мнении известные путешественники Плано Карпини и Гильом де Рубрук. По наблюдениям Плано Карпини «Женщины у них целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно» (История монгалов, 1997: 40). Гильом де Рубрук отметил, что никто у монголов не может иметь жену, если не купит ее. Поэтому многие девушки достигают очень зрелого возраста «ибо родители постоянно держат их пока не продадут» (Там же: 100). Очевидно, что подобные жесткие требования предъявлялись девушкам из родовой знати, зажиточных семей, за которых платили большой калым, почему многие из них в ожидания замужества достигали зрелого возраста. Отношение к целомудрию девушек в семьях рядовых членов кочевого общества, вероятно, было более снисходительным, но и они не могли не подчиняться законам Монгольской империи.

Со времени правления Чингисхана в монгольское право вошло понятие «незаконные сексуальные отношения», а связанные с ними статьи фиксируются в монгольских юридических документах разного времени. Незаконные сексуальные отношения согласно Великой Ясе наказывались смертной казнью, в законодательстве Юаньской империи супружеская измена наказывалась восьмьюдесятью ударами. Р. Ratchnevsky видит в строгости закона противоречие с относительной слабостью в сексуальных отношениях, которая была обычным явлением среди жителей Азии. Он полагает, что Чингисхан приказал сурово наказывать за незаконные сексуальные отношения с целью сохранения правопорядка (Ratchnevsky, 1993: 178). В дальнейшем круг действий, понимаемых как неподобающее отношение мужчины к женщине в монгольских правовых документах расширяется², но наказания заметно смягчаются - смертная казнь и побои заменяются крупными штрафами.

В XIX в – начале XX вв.. свобода в общении между полами приобрела крайние формы среди монголов, забайкальских бурят, у которых появился обычай «угощения девушкой» гостя. О таком предложении, сделанном Ц. Жамцарано при посещении им одной семьи, он писал в своем дневнике. Г. М. Осокин вину за появление такого обычая возложил на буддийских священников – лам (Осокин, 1906: 205).

Вполне вероятно, что причиной свободы в половых отношениях молодежи XIX – начала XX в. стала гендерная диспропорция, когда мужчин стало больше чем женщин, среди которых всегда сохранялась высокая смертность при родах. Свидетельством большой вероятности неблагоприятных родов, на наш взгляд, являются многочисленные запреты, которые соблюдали женщины кочевого общества, чтобы избежать трудных родов (Содномпилова, Нанзатов, 2015: 46). Наличие этой проблемы в бурятском обществе в XIX в. фиксируются статистическими данными: материалы переписи XIX в. в Иркутской губернии показывают, что наибольшая смертность женщин приходится именно на репродуктивный возраст³, т.е. предположительно причиной высокой смертности женщин, были неблагоприятные роды.

Гендерный дисбаланс с преобладанием в кочевом обществе мужчин, мог сложиться к XVII в. вследствие политической стабилизации в регионе с включением его территорий в состав двух крупнейших империй в Азии – Российской и Цинской империй. Такая ситуация, на наш взгляд, стала следствием сокращения масштабных военных конфликтов, которые были основной причиной перевеса количества женщин над мужчинами в средневековом обществе. Участвовавшие эпидемии опасных заболеваний, таких как оспа, корь, дифтерия в равной степени уносили жизни и мужчин и женщин. В то же время проблема высокой смертности женщин от неблагоприятных родов никуда не ушла. Обострение проблемы гендерного дисбаланса выразилось в том, что в некоторых местах просватанными оказывались даже новорожденные

² Памятник монгольского права «Восемнадцать степных законов», отражающий, в частности и нравы халхасского общества конца XVI – первой трети XVII в., содержит законы, запрещающие любое вольное обращение с женщиной. Так, наказывались кража женщины, срезание или выдергивание волос женщины, кисточки на ее головном уборе. (ВСЗ, 2002: 56, 57, 46, 58). В монголо-ойратском уложении 1640 г. Их цааз («Великое уложение») присутствуют статьи за изнасилование девушки, женщины и даже рабыни. Статья 122 наказывает человека, схватившего за грудь девицу или поцеловавшего ее, щелчком по тайному месту (?). Мужчина наказывался в том случае, если девице было больше десяти лет (Их цааз, 1981: 24). В монголо-ойратском уложении целомудрие девушек охраняется крупными штрафами. При этом, даже при добровольном согласии девушки на контакт с мужчиной, последний наказывался штрафом в один девяток (там же: 23). В обычном праве хакасов за прелюбодеяние с замужней женщиной, за воровство девушки нарушители платили штраф за «бесчестие» в 25 руб. деньгами, конем в полном снаряжении, шубой. Кроме того, укравшего девушку против ее желания наказывали 25 ударами лозы (Бутанаев, 2004: 151–152).

³Материалы переписи 1897 г. указывают на то, что у бурят Иркутской губернии женщины преобладали над мужчинами в возрастных группах только от 1–19 лет и 50–59 лет; у бурят Забайкальской области – от 1–30 лет и 60–более 60 лет (Дондокова, 2008: 114).

девочки. Известие о рождении девочки побуждало семьи, имевших сыновей как можно быстрее отправлять к этому дому сватов⁴. Главным следствием неравного соотношения бракоспособного контингента мужчин и женщин в этнической Бурятии было то, что немало мужчин оставались холостяками, в то время как почти каждая бурятка, даже с явными физическими недостатками, выходила замуж (Басаева, 1980: 95).

Если к целомудрию девушек относились снисходительно, то основная проблема его нарушения – рождение внебрачного ребенка воспринималось в традициях разных этнических групп монгольских народов неоднозначно. Сведения об отношении к этой проблеме очень противоречивы даже в среде одной этнической общности. Бесчестие невесты, главным образом, влекло за собой негативные экономические последствия. Там, где институт калыма был более развит, целомудрие девушки ценилось очень высоко, и внебрачная связь не допускалась и осуждалась. У бурят и якутов институт калыма определял сохранение вплоть до конца XIX в. разных форм заключения брака, таких как левират, сорорат, брак обменом, обручение малолетних. У якутов признание невесты нецеломудренной до брака влекло за собой возвращение половины калыма (Слепцов, 1989: 24). Сокращение калыма в случае бесчестия невесты отмечается и у алтайских народов (инородцев Кузнецкого округа в XIX в.) (Самоквасов, 1876: 7).

Во всех этих случаях неясно, что понималось под «бесчестием» девушки – была ли это утрата невинности, либо речь идет о «нехорошей молве», беременности или наличии ребенка? В традиции некоторых этнических групп бурят позором для девушки считались именно внебрачная беременность и ребенок⁵. Особой строгостью к целомудрию девушки выделяется одна из архаичных и крупных бурятских этнических общностей – эхириты. В их среде будущее девушек родивших внебрачного ребенка было незавидным. Зачастую таких девушек выдавали замуж за вдовцов, бедняков, калек (Балдаев, 1970: 199). Так же поступали и хакасы (Бутанаев, 2004: 108). Приданого давали мало, либо вообще не давали. По наблюдениям Б. Э. Петри, у верхоленских бурят, основу которых составляли эхириты, забеременевшую девушку во избежание позора спешно выдавали замуж, при этом на свадьбе беременной невесты замечалось несколько пренебрежительное отношение к ней гостей (Петри, 1924: 22). У эхиритов, проживавших в долине реки Куды, отец такой девушки сажал дочь с ребенком на телегу и шествуя по улусу, предлагал взять ее в жены любому встречному без приданого⁶. У баргузинских бурят, также преимущественно эхиритов по происхождению, согласно обычаю, холостой парень не должен был жениться на беременной девушке. Такой брак считался позорным. Молодого человека мог осмеять каждый встречный, спросив: «Кто твой свояк по ляжке жены?» (Балдаев, 1970: 199). При выходе дочери замуж баргузинские буряты справляли праздник *милаанга* по случаю ее совершеннолетия. Однако милаанга не справляли, если девушка рожала до замужества. В этом случае говорили: «девушка без праздника, одна съевшая милаанга» (Галданова, 1986: 139).

Унизительным считалось положение женщины, родившей без мужа и у мингатов Монголии. Негласного отца пытались разоблачить и отдать ему ребенка. Если роды у незамужней женщины были трудные, женщину вынуждали назвать имя отца ребенка: считали, что в таком случае роды пройдут благополучно⁷.

⁴ Особенно торопились со сватовством, если родители жениха мечтали заключить старинный односторонний кузенный брак, когда мужчина женился на женщине, считавшейся его невестой по праву рождения хүйтэ-сүйтэ хүн. Такой невестой была дочь брата матери. Спешка со сватовством обосновывалась опасением, что таким правом могла воспользоваться другая сестра, даже двоюродная (Балдаев, 1959: 24).

⁵ В патриархальном обществе значение придавалось генеалогии человека только по мужской линии и в этой связи, отсутствие отца у внебрачного ребенка означало его выпадение из социума - рода. Следствием была социальная неполноценность такого человека.

⁶ ПМА: информатор Басхаев Г.В., 1927 г.р. с. Байтог Эхирит-Булагатского района Иркутской области. 2003 г.

⁷ Среди тюрко-монголов имели место представления, что трудные роды часто протекают в отсутствие отца ребенка. Существовало поверье, что ребенок не торопится родиться, пока отца нет дома, и ждет его возвращения

В то же время в среде многих этнических групп бурят и монголов отношение к девушкам, родившим ребенка до брака было наоборот, положительным. Они пользовались большим спросом, как уже доказавшие свою способность к деторождению. В начале XX в. по замечанию Ц. Жамцарано таких девушек брали нарасхват (Жамцарано, 2001: 51). «Девушка, имеющая, не будучи замужем детей, скорее находит себе жениха, так как она тем самым доказала уже свою способность быть матерью. Дети незамужних дочерей очень охотно усыновляются их дедами» (Гранат, Згоржельская, 1931: 46). Вторят этим сообщениям материалы Б. Э. Петри: в начале XX в. у бурят Иркутской губернии зачастую девушке, уже имевшей ребенка, отдавалось предпочтение перед не родившей, как имеющей доказательство способности к деторождению «...родивших девушек берут нарасхват ради ребенка... не сильно заботясь, чтоб ребенок был "свой"» (Петри, 1924: 22).

На фоне высокой смертности детей среди бурят и якутов укрепилось мнение, что незаконный ребенок лучше, чем его отсутствие. Б. Э. Петри отмечал, что в случае бесплодности брака мужа-буряты, особенно пожилые мужчины, женившиеся на молодых девицах довольно снисходительно относились к супружеской неверности своих жен – «от кого бы парень ни был, да мой сын считается» (Петри, 1924: 17). Рождение незаконного ребенка у якутов тоже не считалось позором. Хотя В. Л. Серошевский считал, что в якутском языке нет слов, которыми называли внебрачного ребенка, одно из них зафиксировал П. А. Слепцов среди детских имен – *булумдью* «найденш» (Слепцов, 1989: 97). У бурят в отношении внебрачных детей общеупотребимым было слово *дахуул* «спутник, сопутствующий» (БРС, 2006: 263), *олзо* «находка», которые не считались оскорбительными. У эхиритов бытовали обидные прозвища *шургэ*, *шургэтэ*⁸ (Петри, 1924: 21). Там, где нравы общества были более строгими, со стороны мужчины, берущего в жены нецеломудренную, беременную невесту предпринимались особые ритуальные действия, наделяющие его законным правом отцовства⁹.

Очевидно, что высокая смертность детей в младенческом возрасте изменила отношение общества к проблеме внебрачных детей. Обычное право народов Сибири, в частности бурят и хакасов содержат статьи, предписывающие родителям девушки "бережно принять роды, а родившегося ребенка принять на себя" (ОПХБ, 1992: 100), родившихся внебрачных детей воспитывать в семье матери (Бутанаев, 2004: 108)¹⁰. Мингаты Монголии говорили: "Внук, рожденный от дочери в данной семье, должен быть хранителем домашнего очага этой семьи" и воспитывали его с любовью как и своих законных детей, считая "Коли дарован ребенок, будет ниспослано и пропитание его" (Очир, Галданова, 1988: 123).

В среде монгольских народов отсутствие детей, неспособность женщины к вынашиванию и рождению потомства было большой бедой семьи и рода в целом. В представлениях западных бурят-шаманистов бездетность могла стать следствием нарушением многочисленных табу, которые должна была соблюдать женщина в традиционном бурятском обществе. В представлениях калмыков, сложившихся в русле буддийского вероучения неполноценность статуса человека, невозможность выполнения им социальной роли связывалось с кармическими последствиями. При этом вина за бездетность как следствие сакральной нечистоты и

(Басаева, 1980: 71). При трудных родах имя отца, вероятно должно было помочь, также как и одежда отца (штаны, рубаха), которыми накрывали или били роженицу для ускорения родов (там же: 71; Слепцов, 1989: 91).

⁸ Шургэ – внебрачный сын; шургэтэ – незаконнорожденный, подкидыш (БРС, 2010: 628)

⁹ В предании баргузинских бурят племени эхирит, молодой человек Саган, вопреки обычаям своего общества, женится на уже беременной от другого человека девушке. Чтобы будущий ребенок считался его ребенком и был признан полноправным членом его рода, Саган совершает особое действие с прибывшей со свадебным поездом невестой. «Саган подошел к своей будущей жене, в один миг стащил ее с лошади и пропустил между ног. Этим приемом он очистил свою невесту от греха...» (Балдаев, 1970: 199).

¹⁰ Примечательно, что статьи такого содержания не рассматриваются в ранних версиях монгольского права и являются в степном законе народов, вошедших в состав Российской империи, например, бурят и хакасов.

грехов прошлых жизней полностью ложилась на женщину, а неспособность мужчин воспроизводить потомство, как таковая подчас и не рассматривалась (Шараева, 2011: 35).

Тем не менее, в представлениях бурят и якутов обнаруживается проявление иного видения проблемы бездетности. Виновным, очевидно признавался и мужчина, свидетельством чему являются особые ритуалы. Так, в частности «суд старух» у бурят, призванный исправить проблему бездетности, символически наказывал именно главу семьи¹¹. Если бездетные супруги принимали участие в обряде захоронения постола, наказанию также подвергался мужчина со стороны повивальной бабки и женщин-участниц обряда – его били сухожилиями, обмазывали маслом и сажей, тем самым выправляя его дальнейшую судьбу (Басаева, 1980: 76). Признание виновности мужа в бесплодности брака возможно было обусловлено пониманием того, что никто, даже мужчина не застрахован от случайных нарушений многочисленных запретов, пронизывавших жизнь бурята. Вопреки устоявшимся убеждениям сильной половины всего человечества, процветавшим до середины XX в., некоторые мужчины бурятского общества XIX в. понимали, что ответственность за бездетность несут именно они¹², а не их жены, прощая им измены и ожидая рождения ребенка от другого мужчины. Такое же понимание ситуации наблюдал В. Л. Серошевский среди якутов: "Несмотря на вообще страстный, ревнивый темперамент якутов, мужья в расчете на потомство не прочь смотреть сквозь пальцы на шалости жены, раз сами потеряли надежду иметь от нее собственных детей" (Серошевский, 1993: 509). Как свидетельствуют разные этнографические материалы, проблема отцовства для многих мужчин традиционного общества, в среде которого с древности укоренился обычай усыновления детей, не имела значения.

Таким образом, сценарий репродуктивного поведения в культуре монгольских народов подразумевает рождение детей без каких-либо ограничений. В культуре кочевников не существовало понятие «нежеланные дети» и, хотя известны случаи, когда матери избавлялись от нежеланных детей, такой поступок не был нормой и всегда осуждался в обществе. Примечательно, что в этнографических источниках, описывающих быт и нравы кочевников Внутренней Азии, отсутствуют сведения о способах предохранения от беременности. Не отмечен следами негативных воззрений на высокую рождаемость и фольклор монгольских народов, в отличие, например от народных выражений русских, которые гласят: «прежде одну свинью кормили, а теперь с поросятами» (о снохе), «дай, Господи, скотину с приплодом, а деток с приморцем» или «дети, дети, да куда ж мне вас дети», «хороши ягоды с проборцем, а дети с проморцем» (Андреева, 2016: 69–70). Единственным примером, в котором отражается нежелание монгольской семьи иметь детей, является обряд, зафиксированный у мингатов: если в семье было много детей, родители со словами «достаточно» заворачивали очередного новорожденного в шкурку серого барашка, в то время как обычно для первой пеленки использовали только белые шкурки (Очир, Галданова, 1988: 121). Проблема «лишних» детей в традиционном обществе не стояла и по другой причине: согласно нормам и правилам социума многодетные семьи могли, а иногда и обязаны были отдать своих детей на воспитание бездетным родственникам. Не оставались без призрения и дети-сироты, и дети, рожденные вне брака. С увеличением количества детей возрастало уважение общества к семье, свидетельством чему являются многочисленные пословицы и поговорки. Таким образом, фундаментом семьи были социальные установки на крепкий брак, институт усыновления и приоритет плодovitости над целомудрием, существовавший в сознании представителей кочевой культуры и отраженный в правовых нормах и обрядах.

¹¹ У бурят был известен обряд «Суд старух», который совершался в случае бездетности супругов.

¹² Такое понимание мужчиной своей неспособности дать женщине возможность стать матерью, скорее всего приходило с нарушением половой потенции, что обычно случалось в пожилом возрасте.

Список сокращений:

ОПХБ – «Обычное право хоринских бурят».

БРС – Бурятско-русский словарь.

ВСЗ – «Восемнадцать степных законов».

Список литературы:

Андреева А. В. Культура репродуктивного поведения в кочевой культуре народов Восточной Сибири: дис... канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2016. – 186 с.

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1959. – 179 с.

Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. – Часть I. Булагаты и эхириты. – Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1970. – 363 с.

Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. – Элиста: Герел, 2009. – 255 с.

Буряд-Ород толи. Бурятско-русский словарь. – В двух томах. Т. II. О-Я. Сост.: Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – 708 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1996. – 240 с.

Бутанаев В. Я. Этническая культура хакасов. Абакан: изд-во Хакасского гос. университета, 1998. – 317 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.

Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2004. – 279 с.

Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX – начало XX века. – Новосибирск: Наука, 1980 – 223 с. Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Перевод монгольского текста, комментарии и исследования А. Д. Насилова. – СПб: Петербургское востоковедение, 2002. – 159 с.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960. – С. 159–269.

Галданова Г. Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 131–159.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX – первая половина XX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 172 с.

Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 71–89.

Гранат Е., Згоржельская Е. Бурятские дети. Труды научной экспедиции наркомздрава и деткомиссии ВЦИКа по изучению состояния здоровья и заболеваемости детей Бурят-Монгольской АССР. – М.: ОГИЗ-Молодая гвардия, 1931. – 159 с.

Дондокова Л. Ю. Статус женщины в традиционном обществе бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2008. – 208 с.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903-1907 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 380 с.

История монгалов / Дж. Дель ПланоКарпини - 3-е изд. - Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. - 3-е изд. - Кинга Марко Поло - 4-е изд./ Вст. ст., коммент. М. Б. Горнунга. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.

Их цааз ("Великое уложение"). Памятник монгольского феодального права XVII в. Транслитерация., перевод, введение и комментарии С. Д. Дылыкова. – М.: Наука, 1981. – 148 с.

Обычное право хоринских бурят. Памятники старомонгольской письменности. Перевод, введение и комментарии Б. Д. Цибикова. – Новосибирск: Наука, 1992. – 312 с.

Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. – Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906. – 304 с.

Очир А., Галданова Г. Р. Традиционная семейная обрядность мингатов МНР // Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. – Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. – С. 109–128.

Петри Б.Э. Брачные нормы у северных бурят // Сб. тр. ИГУ. – Вып. 8. – Иркутск, 1924. – С. 3–32.

Самоковасов Д. Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. – Варшава: тип. И. Носковского, 1876. – 283 с.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М.: Московская тип. № 2, 1993 – 713 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1989. – 158 с.

Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Народная гинекология монгольских народов: перинатальный период, роды и лечение бесплодия // Вестник бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2015, №2(18). – С.39–54.

Тангад Д. Монгольская народная игра «цагаан мод хаях» // Монголын угсаатны зүйн судалгаа. V. – Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2014. – С. 86–94.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX – начала XXI в. – Элиста: Джангар, 2011. – 218 с.

Шинкарев Л. И. Монголы: традиции, реальности, надежды. – М.: Сов. Россия, 1981. – 256 с.

Ratchnevsky P. Jurisdiction, Penal Code, and Cultural Confrontation under Mongol-Yüan Law // Asia Major, Third Series, Vol. 6, No. 1 (1993), – P. 161–179.

Содномпилова Марина Михайловна, д.и.н., в.н.с.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Нанзатов БаирЗориктоевич, к.и.н., с.н.с.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Россия, 670047.

E-mail: nanzatov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 февраля 2019 г.

M. M. Sodnompilova, B. Z. Nanzatov

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF REPRODUCTIVE CULTURE OF THE TURKIC-MONGOLIC PEOPLES OF INNER ASIA

The main purpose of human in any culture, including the culture of the nomads of Inner Asia, is procreation. The standard of traditional society was the life of its members in the family, surrounded by children and grandchildren. This article attempts to accumulate known material reflecting the features of the reproductive culture of the Turkic-Mongolic peoples of Inner Asia, representatives of predominantly nomadic culture, its development right up to the beginning of the 20th century. Research interest focused on basic ideas and actions that program the future family well-being of nomadic society young members. Attention was also focused to the problem of extramarital relations of maidens and women among the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia, as an important category of reproductive culture. A comparative historical and comparative typological analysis of the worldview, the ritual sphere and the legal culture of nomads revealed a common ideological layer, which formed the idea of the need for marriage and the sinfulness of loneliness. People who did not marry, or those who remained childless, became outcasts of society. They were associated by a number of negative ideas and will accept, including the views of the transformation of unmarried childless women after death into evil spirits that harm women and children. The study of the problem of chastity in the nomadic environment shows the divergence of views and customs of the traditional society with the ethical standards reflected in the legal culture of the Mongolian empire and its successors. The laws of the Mongol Empire differed most rigorously. In the process of further development of the Mongolian law, there is a softening of punishments for illegal sexual relations, along with the growing loyalty of society to extramarital relations and the birth of illegitimate children. The reason for this situation was, in our opinion, a gender imbalance that developed in a nomadic society by the 17th – 19th centuries, a high mortality rate among women of reproductive age and children. In this regard, the scenario of reproductive behavior in the culture of the Mongolic peoples has become focused on the birth of children without any restrictions.

Key words: *Inner Asia, Turkic-Mongolian peoples, reproductive culture, traditional worldview, extramarital affairs.*

References:

- Andreyeva A. V.** Kul'tura reproduktivnogo povedeniya v kochevoi kul'ture narodov Vostochnoy Sibiri [Culture of Reproductive Behavior in the Nomadic Culture of the Peoples of Eastern Siberia]: Diss. kand. kul'turologii. – Ulan-Ude, 2016. – 186 p. (in Russian)
- Baldayev S. P.** Buryatskie svadebnye obryady [Buryat wedding ceremonies]. – Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1959. – 179 p. (in Russian)
- Baldaev S. P.** Rodoslovnye predaniya i legendy buryat. Chast' I. Bulagaty i ekhurity [Genealogies story and legends of the Buryat. Part I Bulagats and Ekhurits]. – Ulan-Ude, 1970. – 364 p. (in Russian)
- Batmayev M. M.** Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov [Family and marriage in the traditions of Kalmyks]. – Elista: Gerel, 2009. – 255 p. (in Russian)
- Buryad-Orod toli.** Buryatsko-russkiy slovar'. V dvukh tomakh. – T. II. O-Ya [Buryat-Russian dictionary. In two vol. Vol. II. O-Ya]. Compiled by L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. – Ulan-Ude: Rep. typography, 2010. – 708 p. (in Russian)
- Butanayev V. Ya.** Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov [Traditional culture and mode of life of the Khakas people]. – Abakan: Khakass Book Publ., 1996 – 240 p. (in Russian)
- Butanayev V. Ya.** Etnicheskaya kul'tura khakasov [Ethnic culture of the Khakas people]. – Abakan: Khakassian State Univ. Publ., 1998 – 317 p. (in Russian)
- Butanayev V. Ya.** Khakassko-russkiy etnograficheskiy slovar' [Khakasian-Russian Ethnographic Dictionary]. – Abakan: Khakasiya, 1999. – 240 p. (in Russian)
- Butanayev V. Ya.** Stepnyye zakony Khongoraya [Steppe laws of Khongorai]. – Abakan: Khakass. State Univ. Publ., 2004. – 279 p. (in Russian)
- Basayeva K. D.** Sem'ya i brak u buryat. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka [Family and marriage of the Buryats. The second half of the 19th – early 20th centuries]. – Novosibirsk: Nauka, 1980 – 223 p. (in Russian)
- Vosemnadtsat' stepnykh zakonov. Pamyatnik mongol'skogo prava XVI–XVII vv. [Eighteen steppe laws. Monument of Mongol law of the 16th – 17th centuries]. Translation of Mongolian text, comments and research by A.D. Nasilov. – Saint-Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2002. – 159 p. (in Russian)
- Vyatkina K. V.** Mongoly Mongol'skoy Narodnoy Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoy ekspeditsii Akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 gg.) [Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the historical and ethnographic expedition of the Academy of Sciences of the USSR and the Committee of Sciences of the MPR 1948–1949)]. Vostochno-Aziatskiy etnograficheskiy sbornik [East-Asian ethnographic Digest]. – M.; L.: Acad. Sciences of the USSR Publ., 1960. – P. 159–269. (in Russian)
- Galdanova G. R.** Struktura traditsionnoy buryatskoy svad'by [The structure of the traditional Buryat wedding]. Traditsionnaya kul'tura narodov Tsentral'noy Azii [Traditional culture of the peoples of Central Asia]. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – P. 131–159. (in Russian)
- Galdanova G. R.** Zakamenskiye buryaty. Istoriko-etnograficheskiye ocherki (Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XXv.) [Zakamensk Buryats. Historical and ethnographic essays (the second half of the 19th - the first half of the 20th century.)]. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 172 p. (in Russian)
- Galdanova G. R.** Semantika arkhaychnykh elementov svad'by u tyurko-mongolov [The semantics of the archaic elements of wedding of Turkic-Mongolic peoples]. Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov [Traditional rituals of the Mongolian peoples]. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – P. 71–89. (in Russian)
- Granat Ye., Zgorzhel'skaya Ye.** Buryatskiye deti. Trudy nauchnoy ekspeditsii narkomzdrava i detkomissii VTSIKa po izucheniyu sostoyaniya zdorov'ya i zaboylevayemosti detey Buryat-Mongol'skoy ASSR [Buryat children. Works of the scientific expedition of the Commissariat of Health and the Children's Committee of the All-Russian Central Executive Committee on the study of the health and morbidity of children in the Buryat-Mongolian ASSR]. – Moscow: OGIZ-Molodaya gvardiya, 1931. – 159 p. (in Russian)
- Dondokova L. Yu.** Status zhenshchiny v traditsionnom obshchestve buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Status of women in traditional Buryat society (second half of the 19th - beginning of the 20th century)]. – Ulan-Ude: BGSKhA Publ., 2008. – 208 p. (in Russian)
- Zhamtsarano Ts.** Putevyeye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel diaries 1903–1907 yrs.]. – Ulan-Ude: BSC SO RAN Publ., 2001. – 380 p. (in Russian)
- Istoriya mongalov [History of the Mongals (Ystoria Mongolarum)] by Giovanni da Pian del Carpine. 3rd ed. – Puteshestviye v Vostochnyye strany [The Journey of William of Rubruk to the Eastern Parts] by Guillaume de Rubrouck. the 3rd ed. - **Kinga Marko Polo** [The Travels of Marco Polo] the 4th ed. Emb. Art., comments. M.B. Gornunga. – Moscow: Mysl', 1997. – 460 p. (in Russian)

Ikh tsaaz ("Velikoye ulozheniye"). Pamyatnik mongol'skogo feodal'nogo prava XVII v. [Ikh tsaaz tsaaz ("The Great Code"). Monument to the Mongolian feudal law of the XVII century]. Transliteration., Translation, introduction, and SD comments by S. D. Dylykov. – Moscow: Nauka, 1981. – 148 p. (in Russian)

Obychnoye pravo khorinskikh buryat. Pamyatniki staromongol'skoy pis'mennosti [Customary law Khorinsky Buryats. Monuments of Old Mongolian Literature]. Translation, introduction and commentaries by B. D. Tsbikov – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 312 p. (in Russian)

Osokin G. M. Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabaykal'ya [On the border of Mongolia. Essays and materials to the ethnography of south-western Transbaikalia]. – Sankt-Peterburg: A. S. Suvorin Typography, 1906. – 304 p. (in Russian)

Ochir A., Galdanova G. R. Traditsionnaya semeynaya obryadnost' mingatov MNR [Traditional family ritual of the Mingats of Mongolia]. Kul'turno-bytovyye traditsii buryat i mongolov [Cultural and everyday traditions of the Buryat and the Mongols]. – Ulan-Ude: BF SO AN SSSR Publ., 1988. – P. 109–128. (in Russian)

Petri B. E. Brachnyye normy u severnykh buryat [Marriage norms of the northern Buryats]. Sbornik trudov IGU [Bulletin of the Irkutsk State University]. Vol.8. – Irkutsk, 1924. – P. 3–32.

Samokvasov D. Ya. Sbornik obychnogo prava sibirskikh inorodtsev [A collection of customary law of Siberian indigeones peoples]. – Warsaw: I. Noskovskii typography, 1876. – 283 p.

Seroshevskiy V. L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts The experience of ethnographic research]. 2nd ed. – Moscow: Moskovskaya typography № 2, 1993 – 713 p. (in Russian)

Sleptsov P. A. Traditsionnaya sem'ya i obryadnost' u yakutov (XIX – nachalo XX v.) [Traditional family and ritual of the Yakuts (the 19th – early 20th centuries)]. – Yakutsk: Yakut Book Publ., 1989. – 158 p. (in Russian)

Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Narodnaya ginekologiya mongol'skikh narodov: perinatal'nyy period, rody i lecheniye besplodiya [Folk gynecology of the Mongolian peoples: the perinatal period, childbirth and treatment of infertility] // Vestnik buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS]. 2015, №2(18). – P. 39–54. (in Russian)

Tangad D. Mongol'skaya narodnaya igra "tsagaan mod khayakh" [Mongolian folk game "Tsagaan mod Khayakh"]. Mongolyn ugsaatny zuyn sudalgaa [Mongolian ethnography]. T. V. – Ulaanbaatar: Munkhiyn useg, 2014. – P. 86–94. (in Russian)

Sharayeva T. I. Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX – nachala XXI v. [The ceremonies of the life cycle of the Kalmyks of the 19th – early 21st centuries]. – Elista: Jangar, 2011. – 218 p. (in Russian)

Shinkarev L. I. Mongoly: traditsii, real'nosti, nadezhdy [Mongols: traditions, realities, hopes]. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1981. – 256 p. (in Russian)

Ratchnevsky P. Jurisdiction, Penal Code, and Cultural Confrontation under Mongol-Yüan Law // Asia Major, Third Series, Vol. 6, No. 1 (1993), – P. 161–179. (in Russian)

Sodnompilova Marina Mikhailovna, d.i.n., leader researcher.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Sakh'yanovoi str. 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich, k.i.n., senior researcher.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

Sakh'yanovoi str. 6, Ulan-Ude, Russia, 670047.

E-mail: nanzatov@yandex.ru